

Перед кем из простых смертных и сам император голову обнажает?

Почему Байрон водил на занятия в Кембридже медведя?

Почему король Карл II запрещал подданным пить кофе?

Задачи & Головоломки

ПАРАДОКСЫ ПОЛКОВНИКА РЖЕВСКОГО

.....

Как Генрих VIII заработал себе прозвище «Медный нос»?

Как французский луидор предал короля Людовика XVI?

Почему кавалеристы сидят положив ногу на ногу?

Головоломка

Владимир Свержин
**Парадоксы
полковника Ржевского**

«РИПОЛ Классик»

УДК 37.018.1
ББК 74.9

Свержин В.

Парадоксы полковника Ржевского / В. Свержин —
«РИПОЛ Классик», — (Головоломка)

ISBN 978-5-521-00108-8

Поручик Ржевский – герой и автор сомнительных анекдотов – и на склоне лет не утратил ни цепкого и наблюдательного ума, ни живости мысли. В этой книге он задает юному собеседнику сотню каверзных, веселых и поучительных вопросов из мировой и российской истории. Написанная с юмором и большим мастерством, книга будет интересна как школьникам, так и их родителям!

УДК 37.018.1
ББК 74.9

ISBN 978-5-521-00108-8

© Свержин В.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Владимир Свержин	5
От автора	6
Застольные беседы полковника и кавалера Дмитрия Ржевского, записанные в его имении корнетом Ахтырского гусарского полка Платоном Синичкиным	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Свержин Парадоксы полковника Ржевского

© ООО «Издательство «Пальмира»,
ПАО «Т8 Издательские Технологии», 2017

* * *

От автора

Книга, которую вы держите в руках, не похожа на другие – ведь она построена на воспоминаниях Дмитрия Ржевского! Да-да, того самого... Но уже не юного бесшабашного поручика – героя и автора скабрёзных анекдотов, а седого полковника, живой легенды войны 1812 года, которому богатый жизненный опыт только прибавил наблюдательности и остроумия. Богатейшие военные воспоминания Ржевского, исторические байки, парадоксальные загадки, каверзные вопросы и неожиданные повороты мысли записаны в форме беседы с одним желторотым гусарским корнетом.

Как же подобная книга могла появиться на свет? В основе ее лежит старинная рукопись, найденная... нет, не в бутылке и не в Сарагосе, а в Доме культуры маленького белорусского села на берегу Немана, где некогда находилось имение моих предков. Мне было отлично известно, что принадлежавший нашей семье небольшой господский дом сгорел еще в годы Великой Отечественной войны.

Я побывал в этом тихом, милом месте после того, как поставил своей целью найти хотя бы следы родового гнезда. В Доме культуры, объединенном с краеведческим музеем, мне охотно предоставили ценные сведения: оказалось, что до войны в усадьбе находился сельсовет. Захватив деревню, немцы устроили в ней военный штаб, куда в 1943 году прилетела стокилограммовая фугаска, оставив на месте усадьбы лишь обугленные руины.

– Впрочем, постойте, – спохватилась девушка-библиотекарь. – Как я могла забыть?!

Она открыла один из шкафов и достала пыльную выцветшую папку с незатейливой надписью «Дело».

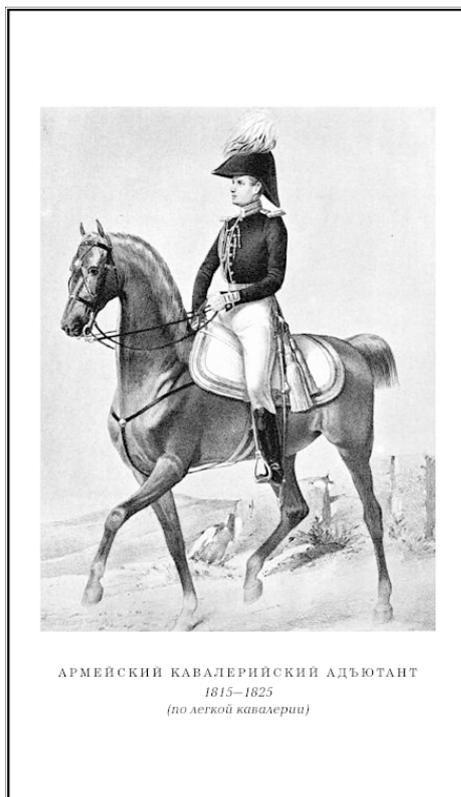
– Вот эти бумаги чудом сохранилось во флигеле – видно, немцы их хотели пустить на растопку, да не успели. А наши солдатики бумаги собрали и отдали нам. Это же документы эпохи все-таки... Тут письма, заметки, фотографии... Ну да, ну да... – она с интересом поглядела на меня, затем вздохнула и протянула папку: – Возьмите, они по праву принадлежат вам.

Несколько дней я разбирал бумаги, чувствуя себя так, будто возвращаю из небытия людей и события давно ушедшей эпохи. По большей мере это действительно была личная переписка, порою совершенно не предназначенная для чужих глаз; хозяйственные записи, начатые и оборванные на полуслове; грязные, обожженные, нечитаемые записки о балканской и Русско-японской войнах, о китайском походе и взятии Пекина...

И вот с содержанием одной из найденных тетрадей я хочу вас сегодня познакомить, ибо история, рассказанная родичем моих предков, вышеупомянутым корнетом, поразила меня. Как она оказалась в архиве – не стану зря гадать, оставляю найденные и отредактированные мною записи на суд читателя. Надеюсь, что вас они порадуют не меньше, чем меня.

Ваш Владимир Свержин

Застольные беседы полковника и кавалера Дмитрия Ржевского, записанные в его имении корнетом Ахтырского гусарского полка Платоном Синичкиным

Глава 1 Сквернословы

– Заходи, заходи, приятель! Надеюсь, дорога была не слишком утомительна, и ты без труда нашел мое имение. Здесь все дышит миром, и двери всегда открыты для добрых людей.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие! – рявкнул юный корнет Платоном Синичкин, едва-едва надевший мундир одного из славнейших полков российской легкой кавалерии.

Двухэтажный барский дом с белеными колоннами располагался среди тенистого английского парка в семнадцати верстах от уездного города. Дорога к имению, примыкавшая к почтовому тракту, была на удивление ухожена и почти без перехода мягко перетекала в мощеную аллею, ведущую к крыльцу.

– Пустое! Здесь можно без чинов. Чай, не на плацу. – Седовласый полковник Дмитрий Ржевский молодецки подкрутил ус, втайне довольный бравым приветствием. Черная венгерка, шитая золотым шнуром, плотно облегла его широкоплечую ладную фигуру. И годы, казалось, не властны над лихим гусаром. – Не стой столбом на крыльце, воображая себя императором Наполеоном!

– Помилосердствуйте! – опешил корнет. – Отчего же вдруг сразу Наполеоном?

Повинуясь распоряжению хозяина, юноша переступил порог гостеприимного дома.

– Э, братец, да ты темный, как пороховой дым! Обо всем-то тебе нужно рассказать, дабы в груди твоей гусарский дух жил, а не только буквицы уставные в голове ворочались. Ну да за тем ты сюда и приехал, так что слушай... Эй, Прокофий! – перебив сам себя, командовал Ржевский. – Распорядись-ка подать самовар да варенье, гостю с дороги передохнуть и подкрепиться надо! Хотя в твои годы – вновь повернулся он к корнету – я об усталости знал лишь понаслышке...

– Так что с Наполеоном, ваше высокоблагородие? – робко вымолвил Синичкин.

– С Наполеоном? Что с ним станется? Помер на святой Елене! Горяча, должно быть, была деваха, хоть и святая! Ладно, шучу-шучу. Такая там история случилась. Бонапарт, обходя лагерь, застал одного из своих гренадеров спящим на посту. Государь французов тогда, пожалев уставшего солдата, недвижно простоял с ружьем «на караул» несколько часов кряду, ожидая прихода разводящего капрала! После этого солдаты Наполеона были готовы следовать за ним в огонь и в воду – даже и к нам, в Россию! А вот и самовар поспел... Ай да Прощка! Прямо граф Калиостро – наперед знает, что надо делать!

– Вы что, были знакомы с Калиостро?!

– Сам нет, но дядя, бригадир, всякое о нем рассказывал... ну да не о нем сейчас речь. Слава богу, в стране тихо, не гремят военные трубы, а в доме жарко пылает очаг. Есть пища и для духа, и для брюха, да и чем запить, даст бог, найдется. Добрый гость – радость для хозяйина. Нынче будет с кем скоротать вечерок старому гусару, ну а молодому понабраться ума-разума. Попотчуйся, братец, чем бог послал! Поди, оголодал с дороги! Все свежее, только из печи. А не желаешь чаю с ватрушками, то и посерьезнее кое-что сообразить можно.

– Что вы, господин полковник, пост же!

– Солдат и без поста на посту. Так что, когда есть, что есть, то и ладно. Поэтому давай без политесов. Гусары все – одна семья. А как в той семье жить, я тебе, братец мой, расскажу. У кого ж еще учиться жизни, как не у бывшего вояки, прошедшего в обнимку с пустоглазой едва ли не полмира: верхом, пешком, на корабле... Только что на ядре не летал, в чем, по словам моего дяди-бригадира, клялся один кирасир в рижском гарнизоне. Ну, то еще при матушке-государыне Екатерине Великой было...

– Сие и впрямь неправдоподобно, Дмитрий Александрович!

– А кто говорит, что правдоподобно? В жизни такие штуки случаются, что, если сам не видел, ни за что бы не поверил. Той же поры, врать не буду, я не застал: мал был, с деревянной саблей по задворкам бегал, «турок» громил. Только дядя мой, человек известной честности, про того кирасира из германских баронов, побожившись, рассказывал.

Полковник устремил взгляд в окно, за которым у подножия холма струилась река, и на заливном лугу паслись взлелеянные им тонконогие арабские скакуны.

– Минуло немало лет с того времени, как рубил я своей потешной сабелькой широкие зеленые щиты лопухов... С тех пор столько всего приключилось! Опыт, уж поверь мне на слово, лишним никогда не бывает, и знание, сколько ни копи его, все легко умещается в невеликом пространстве между ушами.

Ржевский печально вздохнул.

– Теперь, когда седина посеребрила мне виски, будто шнуры на ментиках Александрийских гусар, мне и самому порой не верится, что вытворял я, когда звался еще не полковником, а поручиком Ржевским... А уж то, что мне приписывают, – так и вовсе курам на смех!

– И впрямь много рассказывают, – оживился Платон Синичкин. – Вот, к примеру, история, будто в офицерском собрании вы как-то предложили искупать коня в шампанском.

– Бредни, корнет, бредни! Да ты сам подумай. Первым делом, это же сколько шампани пропадет ни за табачный дым! И второе – этакого «ароматного» коня неприятель за версту учуять может! А ну как ты в дозоре или в разведке? Это уже не шутки.

– Так что же, ничего такого не было? – расстроился юный гусар.

– Да как сказать... Все было, но не так! Дело обстояло в самом конце февраля тысячи восемьсот четырнадцатого года в одной французской таверне неподалеку от городка Бар-Сюр-Об. Мы укрылись там от французской картечи, бившей по нашему эскадрону почти в упор.

Наша попытка обойти корпус маршала Удино не удалась, пришлось отступить и сжиться от шквального огня. Но лишь только мы оказались в таверне, которая показалась нам надежным укрытием, ядро тяжелой мортиры разворотило крышу и в щепы разнесло преизрядную бочку с молодым вином. Драгоценная влага в единый миг окатила нас волной с головы до пят. Увидев, что в крыше убежища нашего зияет дыра, как над выгребной ямой, мы сообразили, что оставаться здесь долее смысла нет. Уловили паузу между залпами, на галопе вылетели из таверны и с криком «Ура!» взяли батарею в клинки. Пахло от нас, натуральным образом, как из винной бочки. Вот пленные канониры и пустили слух, что их захватили пьяные «казаки ля рюс» на пьяных же конях. Оттуда-то сия история и пошла.

Глаза корнета Синичкина загорелись неподдельным интересом.

– Да уж, весело вы в ту пору жили! Не чета нынешним!

– А вообще, как говаривал «ай да сукин сын», наше все, Александр Сергеевич Пушкин – «Блажен, кто смолоду был молод!», весело да со славой! А что всякие штатские штафирки честят нас пьяницами, сквернословыми, гуляками праздными – то бог им судья! Не всем по канцеляриям штаны протирать да на паркетах вальсировать! Кому-то и Родину от супостата оберегать надлежит. Ну как, все еще постишься или, может, по шампанскому? У меня отличнейшее «Клико» имеется.

– За Родину-то как бокал не поднять? – расправил плечи корнет.

– Эй, Прощка, неси дюжину шампанского! – Ржевский смерил фигуру гостя критическим взглядом. – Полдюжины!

Хрустальные бокалы зазвенели «вечерним звоном». И, довольно утерев седые усы, Ржевский вернулся к любимому занятию – честить шпаков, не нюхавших пороха.

– Злонамеренным поклепам их не верь! Зависть и недомыслие – вот имя и звание им. Мнят болтуны, что все познали и самого Бога за бороду схватили, но только Господу такие ученые брадобреи вовсе без надобности. И нам с ним заодно. Сам посуди, какой толк гусарам от греческих философий да римских юстиций? Наше дело – врага бить! Крепко и метко. Давай-ка за славу нашего оружия! Как говорится, между первой и второй пуля не свистнет!

А все же, братец, – всякому делу свой час... Вот нынче, выйдя в отставку, поселился я в имении. Образ жизни веду спокойный, размеренный и благородный: забочусь о хозяйственном устройстве, развожу скакунов и борзых, охочусь, а то и просто гуляю в лесу, в реке купаюсь, в проруби опять же... Что еще: много читаю, порой рисую, уж как Господь умением наделил. В меру разумения своего, но от души пишу о подвигах и походах лет былых, чтобы деяния наши в поколениях не забылись. Иногда с друзьями, соседями и прежними сослуживцами, пирую да под гитару пою – отчего ж не петь, коли душа просит? Словом, живу, радуюсь и помирать не намерен. По сей день подковы гну! А только с той поры, как ушел я из полка, в столице более не появлялся. Властных порогов не обивал, не лебезил и, упаси бог, перед сильными мира сего не пресмыкался. Никогда в сенатах и коллегиях не заседал, комиссий по реформе прежде учрежденного не возглавлял и впредь не намерен. Ни у кого подачек не просил, с чужого голоса не пел да и при дворе, господь хранил, рассуждая о высоких политиках и парижских модах, не занудствовал... Ох, что-то я себя расхваливаю, точно продать хочу! Ты уж прости старика, оно дело такое – сам себя не похвалишь, целый день ходишь, как оплеванный.

Но я о другом...

Загадка 1

...Знаешь ли ты, друг мой, как, по мнению древних эллинов, коими столь восхищаются в светских салонах высокоученые наши умники, именовался бы человек, ведущий подобный образ жизни?!

– Неужели счастливец? – корнет, восторженно глядя на полковника, затаил дыхание.

– Нет! Счастливец – это по-нашему. По-гречески же...

Ответ смотрите на с. 180.

* * *

– После своей отставки в столицу я больше не приезжал, – рассказывал Ржевский далее. – Уж больно нелепым казалось мне разгуливать где-нибудь по набережной, всякий раз снимая цилиндр и раскланиваясь со старыми знакомыми. А их у меня было в ту пору не счесть. С гусарским-то кивером этикие фортели проделывать не нужно. А тут ни дать, ни взять, китайский болванчик...

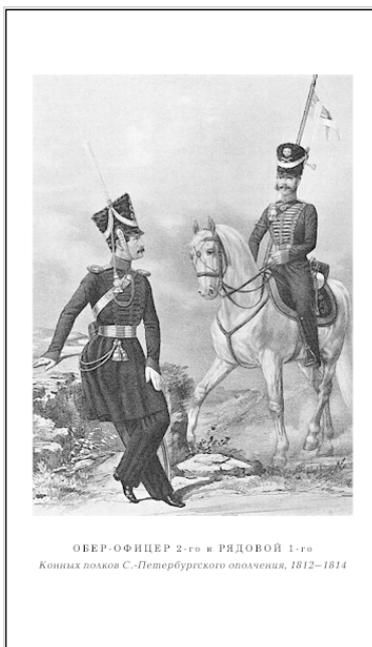
Загадка 2

...А кстати, в самом конце прошлого века мистер Гетерингтон, который цилиндр придумал, был оштрафован лондонским мэром аж на пятьсот фунтов, до того его изобретение перепугало гулявших поблизости дам и детей.

А ныне, поди ж, без цилиндра нет аристократа. Ну, ясное дело, из шпаков, то есть, из штатских. Но здесь-то, в тиши имения, шапку ни перед кем ломать не надо. Хотя, есть простой смертный, перед которым и сам государь голову обнажает.

Угадай-ка, кто таков?

Ответ смотрите на с. 180.

Глава 2 Всё – на карту!

– *А вот еще рассказывают, господин полковник... – корнет Синичкин, стараясь не смотреть в глаза хозяина, полюбавался игрой огоньков восковых свечей в хрустале бокалов, – что в карты вы спустили целое состояние.*

– Так уж и целое! Раз уж мы нынче тут сидим да вдову Клико поминаем, то, стало быть, не целое – так, ломаное. А зачем оно ломаное-то нужно? Ну а правду сказать, что греха таить, играл-с и, бывало, по-крупной. Порою встаешь поутру из-за стола, весь пол усеян картами, сам знаешь, одну колоду дважды не играют, а золота на ташке¹ больше, чем в ташке. Смотришь вокруг и размышляешь: «добро бы все эти карты вдруг превратились в ассигнации». Другой бы, подслушав такие мысли, сказал: бредни, мол!

– Нешто по-иному, господин полковник?

– Ну так мы, почитай, еще ничего не выпили, чтобы я просто так окоlesiцу нес! В ту пору, когда странствовал я в Новом Свете, рассказывал мне один человек, достойный всяческого уважения капитан фрегата (не сенатор какой!), что прежде такое бывало. В Новой Франции, которая ныне именуется Канадой, при Бурбонах еще случалось, когда в колониях кончались наличные деньги. Совсем как у меня, после ночи игры в штосс в одном сомнительном варшавском трактире, – вчистую. Хоть шпоры в заклад носи! Ну, да я вывернулся: на сапоги поспорил, что из пистолетов своих обращу туз в пятерку. Тут уж не в мастях дело. Червонец выиграл, на том до полка и доехал...

Загадка 3

...А тамошним властям что делать? Этак деньги зарабатывать – тузов не наберешься, хоть в ту пору туз и был самой мелкой картой...

Но французы, пусть даже и канадские, не зря считаются продувными бестиями: кое-что придумали... Да что я рассказываю? Вот ты бы как поступил?

– Ума не приложу!

– А ты приложи! Я тебе на правильный ответ уже изрядно намекнул.

Ответ смотрите на с. 180.

– А я в свой черед от большой игры отвратился и, хотя душа порой звала развернуться в полный мах, а все ж разум ее вовремя осаждал. Ну, прямо сказать, не всегда, однако с годами все чаще и тверже.

– Но как же вам сие удалось, господин полковник?

– Все, как на духу, расскажу. Дело было осенью тысяча восемьсот шестого года, когда, едва получив офицерские знаки различия, окунулся я в безудержные кутежи, по моему твердому убеждению, подобавшие истинному гусару. Надо сказать, что гвардия наша в те дни как раз тяжело сражалась с Бонапартом за границей. Я же, пользуясь отсутствием истинных

---

¹ Ташка – гусарская сумка с золотым вензелем. – *Ред.*

воинов, горя мальчишеским рвением, торопился скрасить тоску петербургских юных дев и молодых жен, страдавших от недостатка мужского внимания.

И вот как-то в один из тех хмурых дней, когда, глядя в окно, недоумеваешь, всходило солнце нынче или нет, намерился я засесть за ломберный стол, дабы взглянуть в глаза удаче. Игра намечалась в доме графини...

– Уж не имеете ли вы в виду ту самую графиню, которая владела тайной трех карт графа де Сен-Жермена?! – глаза корнета Синичкина округлились. – Тройка, семерка...

– Пшик! Тебя, братец, послушаешь, так и меня граф Сен-Жермен без подарка не оставил – презентовал эликсир бессмертия! Когда я в гвардию вступил, той графине уж лет и лет было!

Но ты не перебивай, слушай. Теперь уже неважно, кто была та любезная моему сердцу обворожительница. А тогда я тщился блеснуть перед ней размахом и бесшабашностью, как многие юнцы, впервые встретившиеся со зрелой дамой, сияющей красотой и тонким женским умом. Как мне казалось, играл я расчетливо и умно, совершенно не обращая внимания на покашливание соперников, почесывание носа, касание пальцем бровей и тому подобные мелочи. А стоило бы.

– Нешто шулерская «мельница» оказалась в графском доме?! – побледнел от негодования корнет.

– Да ты сам сообрази. На что такую «мельницу» в рыбацкой хижине ставить? Блеском чешуи не расплатишься.

Поскольку знаков шулерских я в ту пору не знал, то в результате остался гол, как сокол, и вместо прелестного лика Фортуны увидел ее ягодицы, куда менее привлекательные, нежели те, что надеялся я в скором времени узреть.

Горькой элегией о разбитых мечтах, начертанной мелом на зеленом сукне, красовался передо мной счет проигрыша, и, когда бы цифры обратились в слова, они бы звучали мне приговором. Красавица-графиня лишь мило улыбнулась, оценив размер моего убытка, и выразила надежду, что нынче же вечером я вновь посету ее гостеприимный дом, с тем, чтобы вернуть карточный долг.

Наступило утро, едва отличимое от ночи, и просветление в моем возбужденном мозгу наступило вместе с ним. Когда б я решил выплачивать в счет репараций карточного разгрома свое жалование гвардейского корнета, то, верно, за два года и выплатил бы его. Без набивавших процентов. Можно было бы исхитриться да испросить из имения на полгода вперед свое не слишком богатое довольствие и разом передать деньги моим соперникам, но тогда мне пришлось бы жить все эти месяцы на воде, закусывая ее ржаным хлебом, густо посоленным балтийскими ветрами. Но и в этом случае ждать, покуда деньги окажутся в столице, пришлось бы не менее трех недель, а долг следовало вернуть тем же вечером.

– Незавидное положение! – посочувствовал корнет.

– Да уж куда как противное, хоть сам себе грошик в подаяние кидай. Размышляя, броситься ли с моста, пустить себе пулю в лоб, поставить свой кивер на церковной паперти или искать подмоги на стороне, я выбрал последнее. Впрочем, этот выбор ничего не добавлял, ибо все мои приятели тоже были не богаче постящейся церковной мыши.

Бродя по городу в поисках решения, я наткнулся на особняк вице-канцлера Колычева, и белые мраморные колонны дома показались мне единственным светлым пятном в серости дождливого полдня. И тут меня, будто молнией пронзило – ведь Колычевы нам хоть и не близкая, но все же родня! Развернув плечи, я устремился вверх по ступеням в античный портик. На вопрос хозяина, что привело меня в его дом, я честно, как подобает офицеру и дворянину, ответил, дескать, пришел отдать долг вежливости и взять в долг наличности. Родич мой рассмеялся сей шутке, а после открыл шкатулку и, достав несколько ассигнаций, протянул их мне. Когда же начал я рассыпаться в благодарностях, он запросто взял меня под руку и отвел к Аничковому мосту, находящемуся в нескольких минутах ходьбы от колычевского дома.

Погода, как я уже сказывал, была премерзкая: мелкий дождь изматывал душу и навевал сырое уныние, вода в реке Фонтанке поднялась, и казалось, еще чуть-чуть – и выплеснется на мостовую. Мост в ту пору был еще не таков, как сейчас: коней барон Клодт поставил много позже. Тогда же разводная часть была деревянной и поднималась на цепях, скрытых в четырех башенках. Мой почтенный родич указал на круглое зарешеченное окошко в мостовом устое, едва видимое над водой, и сказал, что в прежние времена, еще при матушке-государыне Екатерине Великой, здесь размещали проигравшихся картежников-должников. Живое мое юношеское воображение быстро дорисовало жуткую картину, мигом перевернувшую все в моей душе. Я дал себе зарок никогда более не играть.

– Господи! Какая варварская дикость! – ужаснулся Синичкин, представив себя заточенным в опоре моста, заливаемой ледяной водой. – Неужели же в нашей просвещенной стране когда-то было такое?!

– Просвещенной – это от слова «свистать»? Что ж, просвистать у нас всякое могут. Но ты дальше слушай, – полковник лукаво разгладил усы. – Тем же вечером я пришел к графине, вернул ей всю сумму долга и поспешил откланяться, к ее немалому огорчению. Наутро я уже подал рапорт о переводе моем в действующую армию, а спустя неделю вместе с подкреплением, присланным в полк, отправился навстречу грядущим опасностям.

Но правду сказать, удержать зарок мне не удалось. Быть может, от того, что вскорости я узнал: решетки на мосту вовсе не темница, а лишь специальная камера для осмотра внутренней кладки. И ежели находил там бедолага нищий себе приют, то вовсе не волею государыни.

Впрочем, я на родича своего не в обиде. Для истинного гусара важно примечать да на ус мотать. Не зря же нам такие роскошные усы даны! Ежели понял меня, то ответь быстро и сметливо, как положено настоящему гусару...

Загадка 4

...Положим, у того же Аничкова моста стоит дворец князей Белосельских-Белозерских, а почти у самой воды – дом сапожника. Не дай господь, оба горят!

Какой дом должна первым начать тушить полиция?

Ответ смотрите на с. 180.

* * *

– Но как-то случилось, что мои познания в картах немалую пользу и мне, и Отечеству принесли! – вспоминал далее Ржевский. – Помнится, в царстве Польском дело было. Занял наш эскадрон один городишко, вытеснив оттуда французскую пехоту. Чуть свет на «ура», ворвались в фольварк и закрепились до подхода основных сил. Тут-то и выяснилось, что обозы приотстали, и есть-пить ни людям, ни коням нечего. Городок же сей французы уже настолько опустошили, что сами жители сидят на голодном пайке. Но мне сказали, будто рядом, в маетке, проживает некий гоноровый пан, отец французского полковника. Вот его-то запасов отступавшие не тронули. Отправился я туда купить еды да фуража, а пан тот – ни в какую. Уперся, как баран. Но я смотрю: на столе у него колода потертых карт валяется. Мигом сообразил, с кем дело имею. Предложил банчок раскинуть. Тот аж расцвел. Я сел, одним глазом на масти смотрю, вторым в окно кошусь: а вдруг как французы обратно нагрянут?! Но в тот день удача была на моей стороне. Как ни силился хитроумный шляхтич, а обыграть меня ему не светило. Так что вернулся я с груженными возами. Когда армия подошла, еще и лишку оставалось. Выходит, худо бедно, а, почитай, «Станислава» 2-й степени я в картишки выиграл.

Прошка вновь наполнил кубки шампанским.

– Ну что, за ратные победы? – выпятил грудь старый вояка.

– За удачу, господин полковник! Не будем объединять тосты!

– Это – да: без нее, родимой, в картах никак! Порой с этими вальтами да королями и до смешного доходило... – Ржевский чуть пригладил седые вихры. – Вот однажды князь Багратион, мельком услышав от адъютанта своего, доброго моего приятеля, славнейшего из славных Дениса Давыдова, о моей сметке в картах, хотел меня к своему штабу причислить. Слава богу, вовремя разобрались, что на их картах мастей не бывает. Да и какой из меня штабист?! Как писал Денис Васильевич. – и полковник басом пропел:

– Я каюсь! Я гусар давно, всегда гусар

И с проседью усов все раб молодой привычки:

Люблю разгульный шум, умов, речей пожар...

– *И громогласные шампанского оттычки!* – подхватил корнет.

– Молодец, соображаешь! Отцов-командиров надо знать! Но сейчас не о соображении речь. Карты ведь своего рода вид безумия. И как по-иному быть, когда, по слухам, в Европе они появились для увеселения венценосного безумца, французского короля Карла Шестого?! Того самого, что Францию британцам отдал, и деве Жанне ее потом у них отвоюывать пришлось. Там все дамы, валеты, короли с вельмож местных рисовались. А затем и самое Жанну д'Арк в карточную колоду поместили – в виде дамы пик. К слову сказать, тогда еще фигуры на картах целиком рисовали. Манеру, чтобы и так и эдак картинка одинаковой

была, совсем недавно завели в той же Франции. Почитай, все карточные новшества в иные страны от французов идут!

Вот, скажем, знаешь ли ты, мой юный друг, что тот кровавый мятеж и мерзкое царевубийство, которые сами пылкие галлы, неведь с чего, именуют Великой Французской революцией, тоже не миновали стороной карточную колоду?

– Да быть того не может!

– Если я говорю, стало быть, может. Вот как дело обстояло...

Загадка 5

...Довольно скоро шаромыжникам революционным стало ясно, что картежную игру народ не бросит, хоть ты ему гильотиной грози, хоть речами увещевай – ан нет! Дудки! А если так, то что-то нужно делать с королями, дамами и прочими валетами. Нельзя же их оставить «при власти», пусть даже среди карт! Но эти прощелыги бесштаные вывернулись! Да как! И игра по-новому пошла, и с революционной моралью стало все замечательно. Вот и догадайся, что они придумали?

Ответ смотрите на с. 181.

* * *

– Э, да ты, братец, совсем с дороги сомлел! Отправляйся-ка спать. Прошка, отведи барина в гостевую комнату! И поставь жбан кваса рядом с постелью...

Ржевский поднял бокал, глядя на прикорнувшего на столешнице корнета:

– Ну, за удачу!

ОВЕР-ОФИЦЕР и КАЗАК ЗАДНЕЙ ШЕРЕНГИ
эскадрона Херсонского помещика Скаржинского, 1812–1814

Глава 3 Зелье веселых овец

Обширная веранда с резными столбиками перил нависала над отлогим склоном холма, даря замечательный вид на залитый рассветною зарею горизонт.

Полковник Ржевский в неизменной венгерке восседал за кофейным столиком, попивая ароматный кофий из изящной чашечки тончайшего северского фарфора.

– Проходи, друг мой, проходи! Устраивайся поудобнее. Эй, бездельники! – крикнул Дмитрий Александрович, повернувшись в сторону открытой двери. – Кресло его благородию! Не чаял тебя так рано увидеть. Нешто это наши жаворонки сна лишили? Или же решил глянуть на... как там, у поэта: «горит восток зарею новой...»?

Бледно-зеленый корнет Синичкин пощупал голову, проверяя, не надел ли он на нее, по случайности, увесистую кирасирскую каску, или же это его собственное хранилище мозга поутру так тяжело носить.

– Да вот, что-то не спится, господин полковник...

– Дурное дело – тюфяки давить, так всю жизнь проспичь! – бодро отозвался Ржевский. – Желаете ли турецкого кофее? Намедни из Константинополя прибыл!

– Извольте, с превеликим удовольствием, – страдальчески простонал Синичкин.

– Ну так Прошка тебе сварит. Эй, Прокофий! Побалуй-ка молодого барина.

Молчаливый денщик Ржевского, ныне управляющий его имением, вынес старому гусару раскуренную трубку и, поклонившись, отправился выполнять приказ.

– Я, признаться, страсть, как сей ягодный отвар люблю. Еще с турецкой кампании, когда мы со славным нашим Михайлой Илларионовичем Кутузовым под Русчук ходили, пристратился... А что это ты смотришь на меня так удивленно?

– Прошу меня извинить, господин полковник, но кофе же не вишневый компот...

– Ягодный отвар, он и есть ягодный отвар. Или, если пожелаешь, косточковый. Нешто прежде не знал, что, по сути, кофейные зерна – не что иное, как маленькие косточки ягод кофейного дерева? А само дерево по вольной воле и под три сажени ввысь тянется. Это уж люди в угоду себе выше сажени подняться ему не дают – ленивы больно, наверх лезть не желают.

Рассказывают, что некогда в Эфиопии, в тех самых местах, откуда родом предки славного нашего пиита Александра Пушкина, некий пастух заметил, что овцы его, скушав диковинных ягод, вроде вишневых, не пасутся больше, как им от бога установлено, а едва только что в пляс не пускаются. Вот и он, не будь себе баран, тоже испробовал того угощения и, подобно своим «ходячим тулупам», пришел в развеселое состояние. А поскольку стадо было монастырское, то овечий пастырь рассказал о своем дивном открытии пастырям душ человеческих. А те, дабы в сон не клонило в ночные часы, отведенные для бодрствования, чтобы читать надлежащие молитвы с благоговением и без храпа, приспособились между делом грызть косточки тех ягод. Вот от них-то кофейный обычай начало и берет.

– Экая удивительная история!

– История еще впереди будет, это так, присказка, – обнадежил Ржевский. – Потреблять кофий так, как мы нынче привыкли, начали далеко не сразу. Вначале зерна просто толкли и ели с хлебом. Вот как ты свежую ароматную ржаную краюху маслицем вологодским намажешь да солью посыплешь – так встарь и кофе употребляли. Уже много позже начали те зерна варить, и первыми тут, как ни крути, были турки. От того и сосуд для варки сего божественного напитка в самой Османской империи именуется джезва, а в наших краях – порусски – турка. А кстати, поглядел на тебя и вспомнил: отвечай быстро и четко, как в суворовские времена...

Загадка 6

...Слышал, что Суворов терпеть не мог «немогузнаек»?

– Кто ж не слышал!

– Значит, и отвечай тогда: как офицеру в походе не спать восемь дней кряду?

Ответ смотрите на с. 181.

– А вот и Прошка! Давай-ка, Прокофий, наливай, порадуя гостя. Чувствуешь, какой густой аромат? Хорош кофий, настоящий арабика. Как желаешь испить: по-итальянски ли, с сахаром, как швейцарцы ли, с горячим шоколадом, по-эфиопски ли, с солью, или же по-испански, с перцем? Можно также с кардамоном, как пьют в Святой Земле, или, к примеру, кофе по-венски...

Кстати, с последним была презанятная история. Я бы не поверил, когда б собственными глазами не видел. Оказывается, в самой Вене никакого кофе по-венски нет, и называют его там «кофе по-кульчицки». А этот самый кофевар, Юрий Кульчицкий, с позволения сказать, наш земляк, казак шляхетного рода. Не то, что бы из нашего уезда, но родом из-под Львова. Во время одной из многочисленных в те годы стычек с турками попал он в плен, был увезен в Стамбул, где и научился варить кофий, а заодно и язык тамошний выучил. Спустя несколько лет, не ведаю как, выбрался он и дотопал аж до славного города Вены.

Коли еще не бывал там, обязательно посети – место красоты несказанной. Воистину, живи и радуйся! И только-только сей добрый шляхтич там обосновался – пришла беда – отворяй ворота: опять турки нагрянули! Обложили австрияков со всех сторон, продохнуть не дают. Что тут поделаешь?!

Там, в Европе, не нашим орлам чета, в осаде драться не привыкли. Только чуть прижали их, только худо стало, пошел в городе ропот, и в сердцах поселились страх да уныние. На счастье горожан, оказался там наш земляк, Юрий Кульчицкий. Тогда-то и вызвался бывший пленник доставить письмо императору Леопольду.

Комендант Вены, подумывавший уже сдать крепость мурзе Кара-Мустафе, решил испытать сей последний шанс и согласился. Тогда Кульчицкий со слугой переоделись в турецкие наряды, скрытно выбрались из крепости и, распевая турецкие песни, самотопом

пошли через турецкий военный лагерь. Ежели спрашивал кто, что, мол, они тут делают, отвечали: «Мы – стамбульские купцы, поставляем в армию продовольствие». Да так складно мозги всем запудрили, что один ага, офицер тамошний, их даже в шатер к себе пригласил отобедать, а заодно и о поставках армейских поговорить.

Одним словом, хорошо прошли: вывели много и послание доставили, хотя сами едва не погибли – в одном из сел их, за настоящих турок приняв, хотели кольями забить. В общем, императорская армия храброго Яна Собесского подошла как раз в самую последнюю минуту: Вена уже приготовилась капитулировать. Такого перца османам всыпали – пух и перья полетели! Но, слава богу, улетело не все, много чего полезного под стенами осталось. К примеру, весь турецкий обоз. Кульчицкому за его подвиг, конечно, немало выпало наград и от города, и от императора. Но пуще того, из трофеев разрешили ему взять то, что только он пожелает.

Запросил он себе ни злата, ни серебра, ни шелков расписных, а на нашу общую удачу – три сотни мешков с кофейными зёрнами, обнаруженных во вражеском лагере. Жители Вены такому выбору несказанно удивились. Ведь тогда еще в христианском мире об этом напитке, почитай, никто и не ведал. Между тем Кульчицкий смекнул, где его золотая рыбка-то живет, и знал, что делает. Затеял он небывалое: приобщить венскую публику к бодрящему османскому напитку.

Сначала пробовал вразнос торговать, но без толку – пошло дело вкривь и вкось – горожане не желали пить темную горькую бурду, зловредное магометанское пойло, хоть режь. Однако Юрий-то наш не промах, недаром же казак, и тут извернулся – стал кофе подслащивать медом, опять же, сливки добавил – и на тебе: венцев будто подменили! Вскоре наш шляхтич открыл первую в Европе кофейню, и такое славное название ей дал – аж за душу берет – «Дом под голубой бутылью». А чтоб было, чем закусывать, Кульчицкий еще и новый рогалик придумал. Вот совсем как этот, что Прощка тебе принес.

– Но ведь это же обычный круассан!

– Именно так, друг мой, сей рогалик действительно на французский лад именуется круассаном...

Загадка 7

...Вот только родился он не в Париже, а в Вене, после той самой осады, о которой я тебе сейчас рассказывал.

И как думаешь, что форма его символизирует?

Ответ смотрите на с. 181.

– ... А в Париж кофе пришел уже много позже, при Короле-Солнце, Людовике Четырнадцатом. Тот, кстати, первый додумался в кофе сахар добавлять. А первую кофейню в Париже аж в 1689 году открыли. К слову, называлась она «Прокоп».

Мы как полком своим в Париж вошли, я сразу это местечко заприметил: оно как раз напротив театра местного расположено. Тамошним актеркам подавай обхождение, им так запросто зелена вина в чарку не плеснешь, по-благородному – кофе требуется. Что мудрить, уж я им подал! По сей день в гусарском мундире туда не пускают. Но это совсем иная, пожалуй, даже и печальная история. В другой раз поведаю о том.

В ту же пору я, как название той кофейни приметил, подумал: и сюда наши добрались! Вот душа-то и развернулась, точно эскадрон для атаки. Ан нет, шалишь! Прокоп, да не то чтоб. Уж пардон за каламбур! Открыл ее некий торговец лимонадом Франсуа Прокоп. Ну да бог с ним, я ее совсем ненадолго закрыл!

А место презанятное. Жаль, в ту пору всего о нем не знал. Самого Наполеона там едва что не без порток оставили!

– Да неужто?!

– Что ж я тебе врать-то буду? Без порток не без порток, но подраздели малость. В бытность еще республиканским офицером, за неимением денег, он там своей треуголкой за обед расплатился. Сказал, мол, недолог час, когда сия шляпа будет стоить больше, чем вся эта харчевня! По его слову и случилось. Треуголка и нынче там хранится. Только в ту пору, когда я туда хаживал, каналья хозяин ее припрятал, чтобы этакий сувенир нашим не достался.

Ну, Прокоп, так Прокоп, бог бы с ним, в конце концов, нет худа без добра – с того дня и улыбнулась судьба моему Прошке кофеваром быть. Сейчас, вишь, как сию науку постиг: во всей губернии, хоть год ищи, – лучшего мастера не сыщешь. Вот уж, хочешь или нет, а низкий поклон туркам за научение: что б без него теперь делали?

Нынче, как сказывают, ежели турок берет за себя жену, то обязан поклясться, что до конца дней она не будет знать недостатка в кофе. А вот прежде, между прочим, было время, когда и в самой Османской империи кофе был под запретом. Да-да, я не шучу. И не просто под запретом: человека, уличенного в питии оногo, зашивали в мешок от кофе и бросали в море. Султан Мехмед Четвертый от великого ума, небось, заявил, что кофий есть напиток одурманивающий и, стало быть, запрещенный Пророком. А уж церемония употребления сего напитка так и вовсе богопротивна, ибо отвлекает правоверных от изучения Корана. Правда, вскоре указ тот отменили, Мехмед заспешил на встречу с Аллахом, а новый султан, Сулейман Третий, и сам не дурак был испить кофию.

Что головой качаешь? Думаешь, такое сумасбродство лишь у турок встречалось? Отнюдь нет...

Загадка 8

...Примерно в ту же пору в Британии сын казненного разбойником Кромвелем государя Карла Первого, король Англии Карл Второй, распорядился закрыть все кофейни. Хотя его подданных это от изучения Корана уж никак не отвлекало.

Вот поди угадай: что за блажь королю в голову вступила?

Ответ смотрите на с. 181.

* * *

– А вот еще, не желаешь ли к кофе горячего шоколаду? Тоже, я тебе скажу, вкусно, необычно и весьма бодряще. По утрам – рекомендую – залог отменного настроения. В Северо-Американских Соединенных Штатах, на юге оных, где они граничат со страной, именуемой Мексика, всякий аристократ без горячего шоколада себе начала дня не мыслит. Там и я пристрастился. Да и то сказать, еще задолго до испанцев Колумба в тех краях этакий обычай был заведен. Более того, скажу тебе...

Загадка 9

...На родине шоколадного дерева, в Новом Свете, у древних индейцев, именуемых ацтеками, сии плоды служили вместо денег! Ей-ей, не удивляйся, так и было. Чем тебе не мечта? Деньги сами собой, по воле небес, прямо на деревьях растут! А все же человеческая натура слаба и охоча до всякой дармовщины: даже и их умудрялись подделывать.

– Но как же можно подделывать плоды какао?!

– Так голь на выдумки хитра, а они, сам знаешь, не больно одетыми ходили. Да чтоб мне больше на коня не сесть, если соврал!

А подделывали – вот ты сам придумай: как?

Ответ смотрите на с. 182.

ОФИЦЕРЫ

Ахтырского и Александрийского гусарских полков, 1820

Глава 4 Любимцы судьбы

– Помнится, имение твоё располагается в Минской губернии на берегу Немана? Доводилось в прежние годы и мне там бывать. В самый раз перед вторжением Наполеона, – демонстрируя гостю коллекцию собственного и трофейного оружия, вдруг будто невзначай припомнил Дмитрий Александрович. – Вот погляди, видишь эти пистолы? Вроде, как обычные, уж никак не «стволы Лепажя роковые», однако же с их помощью ваш покорный слуга спас когда-то самого государя Александра Первого Благословенного. И аккурат в тех самых местах!

– Да быть того не может! – удивленно воскликнул Платон Синичкин. – Ой, простите, ваше благородие, я хотел сказать, что раньше ни о чем подобном слышать не доводилось...

– О многом тебе еще слышать не доводилось. А другие пружины так и остаются, скрытыми от глаз. Коли желаешь, расскажу.

– Конечно, желаю!

– Изволь понять, порохом уже в воздухе изрядно пахло. Да что там пахло – несло, как перегаром от трофейной команды в удачный день! Командующий наш, храбрый и разумный Барклай де Толли, понимая, что война близка, велел отобрать из гусар и казаков наблюдательный отряд – корволант – для ведения разведки. В одну из летучих сотен я и попал. Как говорится, из огня да в полымя! Только-только мы турок побили, и, не измяв толком ягодцами ложе из лавров, не покрасовавшись новеньким Владимирским крестом перед минскими шляхетными паненками, вновь устремился я в седло. Но тут не простые разъезды да караулы. Как говаривал о нас сам Барклай: «Вы – заточенное острие моей шпаги!» Ясно было, что корсиканец сунется к нам из-за Немана, по-иному никак не выходило. Но если уберечься от этого невозможно, то следует оградить себя от внезапного удара. Тем и занимались. Ну и, конечно, наших подглядчиков, которые на ту сторону реки ходили, высматривали да выведывали, мы принимали, отогревали, снабжали и обратно переправляли. Как же без того?

Несли мы службу усердно и исправно, лагерь наш в лесу располагался, чтоб лишний раз перед чужими глазами не мелькать. Вот только, что греха таить, бес попутал! Поводился я в ближнее имение захаживать. Сперва туда приехал насчет леса с хозяевами договориться, а там у местного шляхтича сестра – глаз не отвести. Ну я голову-то и потерял, дело уж и венцом грозило обернуться. Да к тому же брат ее, местный помещик, на то смотрел весьма одобрительно, все улыбался, кивал, расспрашивал...

Как-то приехал я в неурочное время, птицей, как прежде условлено было, крикнул, а красавица моя прибежала, будто сама не своя. Говорит, не время, мол, сейчас! А сама чуть не

плачет. Чую, недоброе затевается, начал допытываться, что там да как. Ну, так и есть: ждут гостей с той стороны реки. И по ее словам, очень непростых гостей. Упросил я свою зазную спрятать меня в доме. Сижу, высматриваю – и на тебе: вижу, подъезжает к имению коляска, а в ней – я глазам не поверил! – один из наших соглядатаев и тот самый шляхтич, хозяин имения. По моим-то известиям, подглядчик как раз по ту сторону реки обретаться должен, а не тут в колясках разъезжать. Вижу, лихое дело затевается!

Затем и получаса не прошло, новые люди появились, кто по виду торгаш-коробейник, кто и вовсе – крестьянин. Но ежели пристально глянуть – все ряженые! Я не выдержал, прокрался на балкон и слушаю, что за маскарад гости дорогие замышляют.

Оказалось, и вправду замышляют. Не просто замышляют – злоумышляют! Прознали откуда-то, лиходеи, что завтрашним днем в этих местах ожидается приезд государя и Барклая вместе с ним. Может, какие штабные причуды их сюда повлекли, а может, чье подлое коварство. Вот и вздумали затаившиеся вражины преподнести Наполеону дорогой «презент». Теперь же тайно сговариваются: у кого сколько людей, кто их куда поведет, а заодно и как моих гусар половчее извести, чтобы вдруг не помешали.

Тут-то хозяин имения и заяви, что, мол, пытаться напасть на лагерь – дело опасное, даже если удастся парней моих одолеть, много своих людей потерять можно. Однако есть шанс все обстрипать хитрее: раз повадился русский поручик к его жене ездить, то стоит его изловить и силой заставить приказать отряду сложить оружие.

На что пошел сволочь – жену свою за сестру выдал, только бы меня сюда приманить и, бдительность усыпив, поудобнее расставить силки для государя и главнокомандующего! Сижу, зубами скриплю, кулаки чешутся, так и вмазал бы в панскую рожу! Ан нет, притаился, как мышь под веником. Наконец, порешили заговорщики на другой день собраться в этом же поместье и людей привести. Затем уж, как на охоте, по номерам расставить: кто завлекает, кто загоняет, кто эскорт отсекает... И наш соглядатай, продажная душонка, у них вроде как за главного.

Когда разъехались, прелестница моя на чердак пробралась, а я уже там ее поджидаю. Говорю, что все мне известно про их коварную затею, а сам внимательно смотрю, как она себя поведет. Красавица мне на шею бросилась: мол, никогда против меня и царя не зло-

умышляла и влюбилась, едва увидев. В общем, доказала она мне свою любовь и не раз доказала. Там же и сговорились мы поломать вражий замысел на корню.

Я тихо из гнезда заговорщиков выбрался, в лагерь примчался и галопом послал в город троих моих усачей за шампанским и снедью. Все имевшееся у меня в кошельке серебро употребил до последнего рубля! Привезли мои удалыцы полные корзины, на дно мы положили заряженные пистолеты – вот как раз пара из них.

Чуть свет отправился я с парнями в гости к моей зазнобе. Еду, улыбка до ушей, песни распеваю – не разведка, а кабак столичный! Приезжаю, выходит хозяин на крыльцо, я его обнимаю и заявляю: «Именины нынче у меня. День святого мученика царевича Дмитрия Угличского. С вами, дорогими людьми, приехал отметить!»

Шляхтич кивает, улыбается, зовет праздновать. Говорит, что как раз и гости должны съехаться... А мне только этого и надо. Как собралась «гости», велел я внести шампанское. Молодцы-гусары корзины втащили, бутылки на стол выставили и ждут моего приказа. Я и говорю: «Сейчас вам покажу, как мы, гусары, бутылки открываем».

Беру одну из бутылок, подхожу к нагрянущему как раз нашему соглядатаю и с размаху хлобысь его по макушке. Гости было с места вскочили, ну да гусары еще те ухари: выхватили со дна корзин пистолы – сидеть, паскуды, и не двигаться!

Тут-то злодеи и сообразили, что сами в западню попали. Как говорится, не рой другому яму... А меж тем полубовница моя зажгла в своей комнате фонарь да на подоконник выставила, что было уговоренным сигналом. К тому моменту уже вся сотня близ того поместья собралась. Когда наши храбрецы нагрянули, никто во дворе и ойкнуть не успел.

Но спустя несколько дней о том случае уже и не вспомнил никто, не до того было: Наполеон перешел Неман. Однако же кто знает, как бы вся история пошла, ежели б удался тот замысел, и государь наш, император Александр Первый, вместе с Барклаем к Бонапарту в плен угодили.

Вот так-то, друг мой. Диву порой даешься, какими извилистыми тропами шагает причудница Судьба. Хотя и человек на ее пути – не просто лист, гонимый ветром. Слышал, поди, про то, какое государь Александр Первый, едва взойдя на престол, устроил испытание графу Аракчееву?

– Признаться, не доводилось прежде.

– Ну так слушай...

Загадка 10

...Александр Первый Аракчеева в ту пору весьма не жаловал, а убрать его с глаз долой вроде как и не за что было. Тогда император придумал хитрый трюк. Вызвал к себе графа, положил при нем в портфель два листка бумаги и говорит: «На одном я написал „уходите“, а на другом — „останьтесь“. Доверьтесь судьбе и тащите свой жребий». Ну а правду сказать, его величество схитрил – на обоих листках написал «уходите». Но и Аракчеев-то отнюдь не дурак был, похитрее молодого государя. Вывернулся! Вот угадай: как?

Ответ смотрите на с. 182.

– Или, к примеру, взять сражение под Лейпцигом, знаменитую Битву народов, – продолжал рассказывать Ржевский. – Я своими глазами видел, как пушечное ядро угодило меж императорами России и Австрии и стоявшим тут же королем Пруссии. Однако ж, на счастье, не взорвалось. Зато, как мне сказывали, другое ядро в том же сражении пролетело меж Наполеоном и одним из его генералов, ударило в стоящее за ними дерево и рикошетом попало в того самого генерала. А ведь могло и в другую сторону уйти.

А вот еще случай, уже из древней истории, когда мельчайшая, по сути, малость могла в корне изменить ход истории. Помнишь ли ты о походе Ганнибала через Альпы?

– Конечно. Сей доблестный полководец, зная силу римских легионов, решил обойти крепости римлян и ударить там, где его не ждут, – со стороны Альп.

– Так и есть. Еще до Суворова он совершил беспрецедентный переход через сии горы и так врезал по Италии, что едва не ошипал Римского орла, как мы – галльского петуха. Однако же, как утверждает древнеримский консул Тиберий Италик, все могло сложиться для римлян куда хуже, не окажись на пути великого полководца некоего весьма подозрительного сугроба, или не случись в этот момент в руках у Ганнибала дорожного посоха. Но сугроб встретился, и палка в руках оказалась. Эх, жаль, не попался драпающему из России Наполеону этакий сугроб! Глядишь, и до Ватерлоо бы дело не дошло...

Загадка 11

...У Ганнибала в тот день из тридцати восьми тысяч пехотинцев до Италии осталось лишь двадцать, из восьми тысяч всадников – всего половина, а из тридцати семи боевых слонов, кто говорит, один, а кто – три. А теперь представь, чего бы добился Ганнибал с таким войском. То-то же!

– Да что же там произошло-то?!

– А сам как думаешь?

Ответ смотрите на с. 182.

– Но следует отдать судьбе должное: такие подвохи она устраивает не часто. Обычно, имея голову на плечах и соответствующее в одной содержании, из всяких каверз можно вывернуться. Главное – не решать за планиду, что тебе, мол, конец настал. Тут, брат, делай свое дело наилучшим образом. И как говаривал рыцарь без страха и упрека Бертран Дюгесклен: «Поступай, как считаешь должным, и будь, что будет. И все равно, что скажут».

Причем неважно, о боевых действиях речь идет, или о чем ином. Не веришь? А вот послушай историю и сообрази, как бы ты поступил. Как известно, знаменитый Никола Буало почитается отцом современной поэзии. Его стихи и, главное, его прославленный свод законов – «Поэтическое искусство» – ныне почитаются любителями словесности не менее свято, нежели в церкви Новый Завет. Соблюдают его или нарушают, все едино соотносятся с ним. А ведь, по сути, не будь у Буало сообразительного и быстрого ума да острого языка, мог бы,

пожалуй, и в Бастилии до скончания дней своих крысам правила стихосложения и изящный слог преподавать.

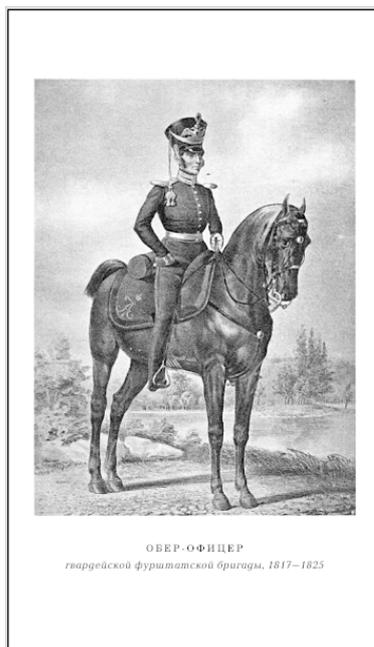
А дело вот как было...

Загадка 12

...Однажды король Франции Людовик Четырнадцатый, желая блеснуть тонким вкусом и умением складывать рифмованные строки, продемонстрировал Никола Буало свой поэтический опус. Великий поэт, едва глянул на рифмованные упражнения августейшего Короля-Солнце, тут же сообразил, что дело может обернуться для него весьма нежелательным образом. Ибо государь, привыкший к тому, что каждый его чих объявляется проявлением гениальности, вовсе не обрадуется, услышав неприятную правду о попусту изведенных чернилах. Король смотрел на него и ждал. Сказаться внезапно заболевшим было невозможно, и хотя не всякий желудок мог выдержать такое напряжение, но отвлечься от монарших строк, чтобы использовать по прямому назначению бумагу, на которой они были начертаны, тоже не слишком куртуазно. Следовало что-то сказать, и желательно так, чтобы следующую фразу мог услышать кто-нибудь, кроме тюремных надзирателей.

Вот и скажи мне, друг мой, что бы ты ответил болезненно самолюбивому монарху в такой непростой ситуации?

Ответ смотрите на с. 182.

Глава 5

Не в деньгах счастье

– А правда ли о вас рассказывают, господин полковник, что вы в молодые годы за рубль муху кувалдой в поле загоняли? – с замиранием сердца спросил корнет Синичкин.

– Гнусная ложь, друг мой! – сдвинул густые брови Ржевский. – Кто же на такое пойдет?! Чтоб так вот кувалдой – и за рубль... Ясное дело – за червонец! И ведь какая верткая тварь попалась, насилу загнал.

– Нешто такое возможно?!

Корнет остановил коня. Конная прогулка по угольям, принадлежащим славному ветерану, перемежалась с лихими гусарскими песнями, которые воспроизвести здесь нет никакой возможности в связи с их лихостью и гусарскостью. Ухоженная лесная тропинка, по которой они скакали, вывела на опушку, за которой простирался широкий луг, видимо, и навеявший юному офицеру этот вопрос.

– Сам-то как думаешь? – ухмыльнулся полковник. И вдруг, рассмеявшись, хлопнул Платона по плечу. – Ладно, не морщи лоб, шучу, конечно. А ты зачем бессмыслицу спрашиваешь, когда сам все понимаешь?

– Так ведь дыма без огня не бывает! У вас так уж точно.

– Да уж, и дыма, и пламени в жизни моей хватало. Не зря ж цвета их в ленте ордена Святого Георгия запечатлены. Того самого, который уж сколько лет ношу, не снимая.

С мухой и кувалдой, понятное дело, небывальщина. Но с червонцем и впрямь как-то случилась у меня забавная история. Вскоре после того, как супостаты вошли в Москву, поспорили мы на оный червонец с моим другом Денисом Давыдовым, что я в древнюю нашу столицу проберусь да с кем-нибудь из старших командиров французских за одним столом отобедаю!

Ржевский подкрутил ус.

– Сказано – сделано. Город я знал недурно, прежде всякий год по несколько месяцев в первопрестольной живал. Благо, имение дяди моего, бригадира, неподалеку располагалось. Там коня в лесочке припрятал, а сам пробрался на окраину, притаился в саду на дереве, смотрю во все глаза да слушаю в оба уха. Рядом дом господский, у крыльца шум, суэта: адъ-

ютанты бегают, усиленный караул ходит – явно не фуражиры-обозники в нем стоят. И точно, как в воду глядел. Оказалось, квартирует в этом особняке сам маршал Даву, при Бородинской сече изрядно подраненный! Чую, удача на моей стороне!

Послушал я, разузнал, что к чему, тихо спустился наземь из своего укрытия и стрелой метнулся в один знакомый мещанский дом поблизости. В прежние времена там хозяин зеленым вином приторговывал. На мою удачу жив он оказался и без дела не сидел. Купил я у него за пятак штоф отменного первача, завернул для сохранности в овчину и, совершенно не скрываясь, в лоб, в пики зашагал к тому особняку.

DAVOUST.

Само собой, патруль французский меня останавливает, смотрит с недоумением и интересуется, что это я здесь делаю и куда направляюсь. Я глаза со значением пучу и на их вопросы отвечаю, дескать, по поручению фельдмаршала Кутузова лично доблестному Луи Николя Даву привез отменное русское лекарство! И кулем своим перед глазами патрульных трясусь. Как я и полагал, те рыцарству такому подивились и к маршалу меня провели. Я вошел, во фронт вытянулся, отрапортовал, как положено, и, протянув бутылку, внятно и подробно объяснил, как сие чудодейственное снадобье употреблять. Даву, уж на что суровый человек был, расчувствовался, поблагодарил, за стол усадил, а в доказательство того, что я не в кустах отсиживался и посылку, как положено, по адресу доставил, вытащил из кармана банкноту в двести пятьдесят франков, широко на ней расписался, мол, дана поручику Дмитрию Ржевскому в Москве такого-то сентября тысяча восемьсот двенадцатого года, и мне протянул. С тем я тут же в обратный путь и отправился. А ну как командование хватится?! Еще надумают чего-нибудь непотребного. Еду и то ли от жары, то ли от волнения чувствую, взмок, будто в баньке попарился. Вижу – речушка. Вода журчит, плещется, так и зовет окунуться. Спешился я, мундир скинул и – бултых в воду! Поплескался чуток, плыву к берегу, вдруг глядь – а там над пожитками моими стоят этак дюжина французских драгун и с интересом за мной наблюдают. Пытаться уплыть? Смысла нет: только начну грести, враги переполошатся, а пуля всяко быстрее летает. Да и в полк таким болваном, гольшом, без коня, без сабли, без формы, возвращаться – позора не оберешься! Денис – тот просто своими шутками изведет, для всей армии посмешищем станешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.